

Фортификационное строительство в России XV–XVI веках как первый этап целенаправленного формирования системы расселения – предтечи линейных градостроительных структур (часть 1)

Э.А.Шевченко, НИУ МГСУ, Москва

В статье рассматривается создание фортификационной линии обороны Российского государства в период XV–XVI веков как процесса формирования специфической системы расселения. Выдвигается гипотеза о целенаправленном формировании линейной оборонительно-жилой структуры, состоящей из жилых и оборонных поселений, объединённых дорогами в единую структуру взаимосвязанных образований различного функционального назначения.

Отмечается, что одной из недостаточно изученных страниц истории градостроительства России по сей день остаются «Сторожевые линии» не как объекты фортификации, а как объекты градостроительного искусства.

На базе изучения работ Д. Багаля, Ф. Ласковского, И.Д. Беляева, А.И.Яковлева и других исследователей, в том числе современных, делается вывод, что заселение периода XIV–XVI веков изначально уже носило планомерный характер. То есть, фактически создавалась сложная система расселения, в основе которой лежал принципиально новый градостроительный приём освоения территорий.

В статье даётся обоснование правомерности использования понятия «Системы расселения» применительно к периоду XV–XVII веков – периоду становления Государства. Именно появление государственности позволило создать систему управления и структуру таких градостроительных структур как Засечные черты.

Fortification construction in Russia XV–XVI centuries. as the first stage of the purposeful formation of the resettlement system – the forerunner of linear urban planning structures (part 1)

E.A.Shevchenko, NRU MGSU, Moscow

The article considers the creation of a fortification line of defense of the Russian state during the 15th-16th centuries as a process of formation of a specific system of settlement. The hypothesis of the purposeful formation of a linear defensive-residential structure consisting of residential and defense constructions united by roads into a single structure of interconnected formations for various functional purposes is put forward.

It is noted that one of the insufficiently studied pages of the Russian history of town-planning to this day remains "Watchtower" not as objects of fortification, but as an object of town-planning art.

On the basis of the study of the works of D. Bagaley, F. Laskovsky, I.D. Belyaeva, A.I. Yakovlev and other researchers,

including modern researchers, concludes that the settlement of the period of the XIV–XVI centuries originally had a planned character. That was, in fact, a complex system of resettlement created, based on a fundamentally new urban development technique for the development of territories.

The article substantiates the legitimacy of using the concept of "Settlement System" as applied to the period of the XV–XVII centuries, the period of the state formation. It was the emergence of statehood that allowed the creation of a management system and the structure of such town-planning structures as the Zasechnyelines.

Недостаточно изученной страницей истории градостроительства России остаются «Сторожевые линии» не как объекты фортификации, а как целостный объект градостроительного искусства, как уникальный пример целенаправленного формирования оборонительно-жилой градостроительной структуры, представлявшей неповторимую, по сути линейную, систему расселения на границе территории нарождающегося самостоятельного Российского государства, основой которого выступило Московское Княжество, начав создавать на своих южных рубежах оборонительную систему – сторожевые линии. Изначально это были земли Можайского, Рязанского и Муромского княжеств (рис. 1).

«Сторожевые линии», начало формирования которых относят к XIV веку [1, с. 1], изучались и изучаются в основном как оборонительные системы, создаваемые на протяжении большого периода времени для защиты населения и государства. Это работы Д. Багаля, Зориан Доленги-Ходаковского (Адам Чарноцкий), Ф. Ласковского, И.Д. Беляева, А.И. Яковлева,

Рис. 1. Земли Московского Княжества во второй половине XIII века

В.Н. Сторожева, А.Е. Леонтьева, С.Р. Муратовой, А.В. Бунина, Е.А. Гуковой и многих других исследователей.

Замечательная плеяда советских и российских историков, градостроителей, географов прошлого и наших современников изучала вопросы колонизации территорий XIII–XVIII веков, принципов заселения (расселения) этих территорий в период становления государства. В качестве основополагающих следует отметить работы по истории развития градостроительной культуры, основам «градостроительства городов» Гуляницкого, И.А. Бондаренко, Н.В. Грязновой, В.Г. Шевелёва и многих других исследователей. Однако строительство оборонительных/сторожевых линий никем не рассматривалось как процесс формирования целостной системы расселения, как сложнейшей стратегической задачи, огромной Государственной значимости, решение которой позволяло заселить новые земли государства и обеспечить безопасность и населения и самого государства.

В этом контексте интерес представляет работа В.Г. Шевелёва [2], выполненная на примере территории Центрально-Черноземного экономического района России, являющаяся результатом анализа влияния коммуникационного фактора на формирование структуры системы расселения. Анализ выполнялся для каждого принятого автором временного интервала. Таких временных интервалов В.Г. Шевелёв выделяет шесть:

«1. Период первоначального заселения, когда возникает редкая сеть старейших населенных пунктов – будущих очагов расселения.

2. XVI–XVII вв. – период интенсивного заселения района, создание военно-хозяйственной системы городского расселения «южного порубежья» России.

3. XVIII – первая половина XIX вв. – период расселения населения по всей территории края и формирование административно-торговых систем городских поселений.

4. XIX – начало XX в. – период формирования систем торгово-промышленных центров края в связи с прокладкой железных дорог и усилением торговых связей.

5. Социалистический период, связанный с преобразованиями в сложившейся структуре расселения на базе развития индустриально-аграрного комплекса района.

6. Современный этап развития системы расселения ЦЧР» [2, с. 1].

Названия периодов дают четкое представление о характере освоения территорий или, как писали многие исследователи, процессе колонизации земель от условно стихийного до планомерного и управляемого заселения большого пространства новых территорий, прирезаемых к государственным землям. Заселение периода XIV–XVI веков изначально уже носило планомерный характер. То есть по сути создавалась сложная система расселения, в основе которой лежал принципиально новый градостроительный приём освоения территорий.

Фактически в этот период была создана военно-хозяйственная система городского расселения южного порубежья

России. Это был период не просто активной колонизации, но интенсивного хозяйственного освоения новых присоединяемых к стране территорий. Таким образом складывалась ситуация, типичная для формирования систем расселения, идущая по двум сценариям – стихийному, спонтанному (первый период – по В.Г. Шевелёву), в основе которого лежала организация удобной жизни общины, и планируемому, обоснованному и управляемому освоению больших территорий. В этом – втором – варианте в основе лежало сознанный выбор места размещения будущего поселения (города), целевой установкой которого было создание безопасной среды проживания населения и защищённость государственных рубежей (границ).

Процесс этот занимает длительный период времени и (чаще всего) имеет скачкообразный характер, когда активная фаза уступает место пассивной – фазе стабилизации и закрепления на новых территориях. Новизна, поднимаемой в статье темы выявления сложившихся на этих рубежах исторических систем расселения представляется своевременной, так как установление факта существовавшей на территории современной России, продолжительный период времени линейной системы расселения как целостной, единовременно созданной структуры может способствовать закреплению приоритета России в вопросе выработки принципов создания линейных градостроительных структур.

Возникает вопрос о правомерности использования понятия «система расселения» применительно к периоду XV–XVII веков – периоду становления Государства. Ответ на вопрос будет один – правомерно, так как системой расселения признаётся территориально целостная и функционально взаимосвязанная совокупность населённых пунктов. Именно такая система формировалась на всём протяжении приграничной территории Московского княжества.

Наибольшую сложность в установлении начала процесса создания взаимосвязанной системы населённых мест представляет «период первоначального заселения». Об этом в 1846 году писал И. Беляев, выполнивший исследования сторожевых служб и указавший на то, что отсутствие границы государства, которое не имело полной самостоятельности вплоть до второй половины XIV века, «... будучи окружённым владениями Князей Рязанских, Муромских, Нижегородских и др., не имело ни права, ни возможности строить укрепления в чужих землях...» [1, с. 2]. Подтверждает этот факт и Ф. Ласковский, писавший, что «... масса укрепленных городов росла в течение нескольких веков без всякой ... связи, относительно общей обороны России, пока соединение раздробленных частей её в одно целое ..., позволило ей иметь в виду одних внешних врагов» [3, с. 21]. Таким образом, оба исследователя утверждали, что до половины XV столетия на территории России не существовало какой-либо единой оборонительной системы, создаваемой по единому замыслу [3, с. 5]. Но оборонительная система не равнозначна системе расселения, так что же фактически начали создавать на границе молодого государства и в чём была суть единого замысла?

Впервые оборонительная задача как государственная была выдвинута в 1571 году царём Иваном Васильевичем, подписавшим приказ о назначении главным начальником сторожевой и станичной служб боярина князя М.И. Воротынского. Цель назначения заключалась в наведении порядка в этой службе, что предполагало уточнение состояния сложившейся «цепи» станиц, укреплённых городов и сторож. Работа, которую выполнил М.И. Воротынский, представляла, по сути, исследование, в котором было проанализировано фактическое состояние всех составных элементов службы – всех поселений, укреплённых строений, линий завалов и т.д. Комиссией М.И. Воротынского было установлено, что уже к 1556 году существовала «цепь укреплённых городов по всей степной уkraine, от Алатыря и Темникова до Рыльска и Путивля» [3, с. 7]. Протяжённость «линии», на которой располагались укреплённые города составляла примерно 997 км. В условном коридоре, образованном двумя рядами этой цепи располагались такие крупные города как Липецк, Саранск, Тамбов, Воронеж, Курск, а также значительное число мелких поселений. Но представляла ли сложившаяся цепочка городов единую систему взаимосвязанных общим предназначением (функцией) поселений или в России создавалась просто оборонительная система, состоящая из отдельно стоящих укреплённых городов, городков и других объектов? Летописи практически не отвечают на этот вопрос, так как являются по сути своей, как уже было сказано, «хронологическим указателем событий» [3, с. 5].

Как утверждает Ф. Ласковский, оборонительная система России «до Императора Петра, охранялась ... отдельными укреплёнными пунктами, – и сторожевыми линиями» [3, с. 9]. При этом он отмечает, что укреплённые пункты были известны и упоминались в летописях и иных официальных актах как города, городки, остроги и сторожки. Но если о времени строительства оборонительных сооружений вокруг населённых пунктов не возникает вопросов, то иное дело «сторожевые

линии», которые, по мнению того же Ф. Ласковского «...могли образоваться только по введению в России единодержавия», и князья московские могли сами принимать решение о мерах по охране границ государства. Однако создавалась не просто система обороны, а уникальная оборонительно-гражданская система и, как пишет тот же Ф. Ласковский, «исключительное употребление для обороны жилых укреплённых пунктов простекло в России от образа ведения войн» [1, с. 19–20]. Так как же можно не видеть того, что, ещё до Петра Первого формировалась единая система, которая в настоящее время может считаться целостной системой расселения и линейный характер которой заложен был её функциональным предназначением.

Исходя из сказанного, становится очевидным, что наиболее интересным в плане анализа процесса формирования систем расселения на территории России является период второй половины XV – середина XVII века.

Сторожевые линии, как известно, были двух видов – в зависимости от условий рельефа и характера местности. То есть в степной зоне, на открытом пространстве сторожевая линия

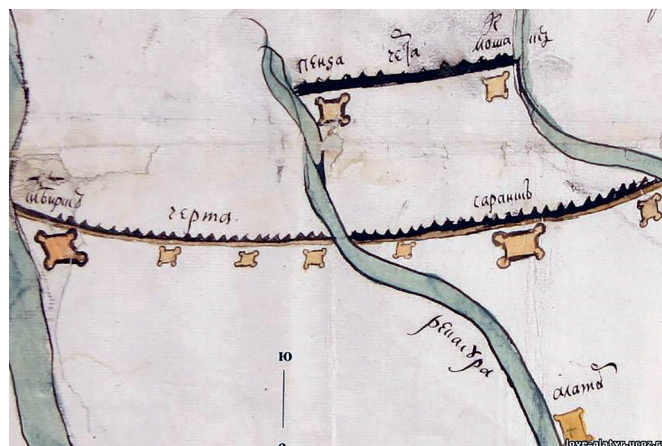

Рис. 2. Пример расположения городов, городков и острогов на сторожевой линии

Рис. 3. Лимес – система укреплений и коммуникаций на границе Римской Империи

называлась валом или чертой, а в лесных зонах сторожевая линия, образованная завалами, называлась засечной линией или засекой. Несмотря на различные оборонительные приёмы, применяемые при строительстве этих линий, у них была объединяющая характеристика – это расположение по всей сторожевой линии городов, городков, острогов и острожков (рис. 2). Фактически с 1571 года – с момента обнаружения приказа, подписанного царём Иваном Васильевичем, – все сведения о городах, городках и других поселениях находились в ведении Разрядного Приказа. На основании имеющихся разрядных росписей все пограничные (украинные) города (поселения) были дифференцированы исходя из географического места формирования сторожевой линии на «передние и задние» [1, с. 7], или первую и вторую линии.

Таким образом, две сторожевые линии формировали условный коридор расселения, отделяющий территории степи и Государства Российского. В состав первой линии входили города, непосредственно соприкасающиеся со степью – Алатырь, Темников, Кадом, Шацк, Рясск, Донков, Епифань, Пронск, Михайлов, Дедилов, Новосиль, Мценск, Орел, Новгород-Северский, Рыльск, Путивль.

Во вторую линию, внутреннюю, входили Нижний Новгород, Муром, Мещера, Касимов, Рязань, Кашира, Тула, Серпухов и Звенигород. Часть этих городов располагалась на реке Оке, которая являлась в этот период (вторая половина XVI века) границей государства. Обе сторожевые линии: и первая, и вторая, формировали коридор безопасности, на территории которого система расселения развивалась за счёт развития существующих поселений и возведения новых. Ширина этого коридора варьировалась от 100 до 240 км и более и зависела от географических и ландшафтных особенностей местности, рельефа и гидрографической сети. Обе линии представляли новый тип системы расселения, характерной особенностью которого было объединение всех поселений защищённой дорогой. Приведённые в работе И. Беляева списки горо-

дов, входивших в состав линий, различаются количеством укрепленных поселений. Так, наибольшее их количество находилось на внешней линии обороны, непосредственно соприкасавшейся со степью. Именно на этой линии все поселения выполняли различные функции, устанавливаемые разрядными росписями – города, городки (городца) или остроги (два типа – жилые и стоялые).

Наряду с первой и второй линиями обороны создавалась ещё одна в буквальном смысле непрерывная линия укреплений, основу которой составляли сторожи – валы или засеки. Принцип создания этой линии обороны близок к принципу создания на границе Римской империи лимеса, состоящего из укрепленных гарнизонов, соединённых дорогой, защищённой ограждением (рис. 3). Но именно этим сходство и ограничивается. На Руси была создана уникальная оборонно-жилая система (рис. 4).

По сведениям И. Беляева, в Царском архиве в 1575 году на все пограничные города и сторожи были «кособые чертежи...», однако подлинных чертежей ему найти не удалось [1, с. 8]. Факт наличия чертежей в Царском архиве подтверждает то, что формирование системы укрепленных поселений в составе сторожевых линий было государственным делом и управлялось решениями на государственном уровне. Фактически освоение новых земель осуществлялось созданием сложных оборонительно-жилых образований, наподобие линейных градостроительных структур, которые формировались вдоль путей сообщения между поселениями, входившими в состав укреплений и проложенных с внутренней стороны засечных линий – этих непроходимых преград, пересекающих все шляхи (см. рис 4). В основе принципа лежала необходимость предотвращения возможного проникновения неприятельских войск по дорогам (шляхам) [3, с. 18] вглубь страны.

Элементами формируемых систем являлись жилые образования различной вместимости и разнообразного функционального назначения. Функциональное назначение поселений, острогов и сторожей, места их расположения чётко устанавливались исходя из ландшафтных особенностей места создания, оборонной потребности территории и принятой иерархии элементов формируемой системы. Об общих размерах системы можно судить исходя из приведённых И. Беляевым и Ф. Ласковским данных о расстоянии между сторожами, этим одним из наиболее мобильных и уязвимых элементов формируемой системы.

Расстояние от городов первой линии обороны до сторожей было различным и определялось временем в пути, затрачиваемым для предупреждения о надвигающемся противнике. Так, расстояние от сторожей, размещаемых в различных направлениях преимущественно в степи, до городов первой линии не должно было превышать пяти дней, но чаще их размещали ближе. Пять дней в пути от дальнего сторожа до конкретного города, который эти сторожи прикрывали, – сколько это километров? Тот же И. Беляев указывает, что наиболее часто сторожи размещались на расстоянии 15, 40

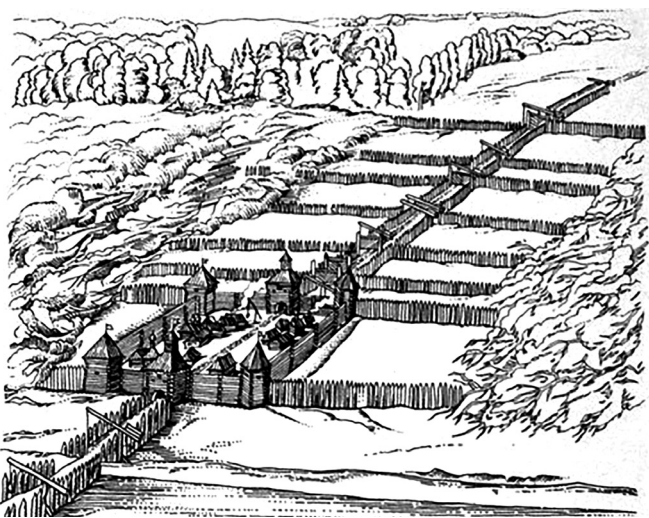

Рис. 4. Городок-застава на засечной черте, перекрывающий один из шляхов. Реконструкция А.В. Никитина

и 60 верст от города, что соответствует 16–42,67 и 64,01 км. Однако известно, что лошадь с всадником за сутки может преодолеть расстояние 30–35 км, при условии обязательных остановок. Следовательно, максимальное расстояние 64 км будет преодолено за двое суток. Но как же расстояние в пять дней пути? Исходя из допустимой нагрузки на лошадь – средняя скорость движения со всадником 7–8 км/час, при времени движения (без ущерба для лошади и всадника) в пределах восьми часов в сутки, то указанное расстояние в пять дней может составить 150–170 км, при этом расстояние между сторожами в степи чаще всего не превышало половины дня в пути, а то и ближе, то есть 15–20 км. Эти сторожи, как пишет И. Беляев «... были в беспрестанных сношениях друг с другом и составляли несколько неразрывных линий, пересекающих все степные дороги...» (там же, стр. 9), то есть между самими сторожами были устроены дороги, объединяющие как сторожа, так и сторожа с городом, и все вместе это представляло сложную единую систему расселения (рис. 5).

Временной интервал XVI–XVII веков является периодом интенсивного расширения территории российского государства за счёт заселения новых территорий и создания военно-хозяйственной системы городского расселения «южного порубежья» России. В этот период формируются новая первая линия, а некогда первая линия обороны становится второй (рис. 6).

В отличие от традиционного заселения берегов рек, на территории нового освоения целенаправленно создаётся фактически линейная градостроительная структура военно-хозяйственного назначения, каждый элемент которой выполняет конкретную функцию и в которой соблюдается четкая иерархия значимости формируемого поселения в общей градостроительной системе.

Литература

1. Беляев, И.Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской украине Московского государства до царя Алексея Михайловича [Электронный ресурс] / И.Д. Беляева // Чтения ОИДР». – 1846. № 4. – 86 с. – Режим доступа: <http://mexalib.com/view/65028> (дата обращения)
2. Шевелёв, В.Г. Ретроспективный анализ формирования коммуникационного каркаса системы расселения чернозёмной зоны России / Материалы международной студенческой научной конференции // Актуальные проблемы архитектуры и дизайна–2012. – 2012. – № 38 (Приложение).
3. Ласковский, Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России Ч. 1 / Ф. Ласковский. –СПб, 1858.
4. Багалеи, Д. История Северной земли до половины XIV..(ст.). Историческая монография, с картой и рисунками / Д. Багалеи. – Киев: в университетской типографии (И.И. Завадзского), 1882.
5. Яковлев, А.И. Засечная черта Московского государства в XVII веке / А.И. Яковлев. – М., 1916.

6. Сторожев, В.Н. Засечные книги как историко-географический и археологический источник / В.Н. Сторожев. – СПб, 1892.

7. Леонтьев, А.Е. Городище Еськи на р. Мологе. Укрепления в пойме / А.Е. Леонтьев // Вопросы истории фортификации. – 2015. – № 5. – С. 114–118.

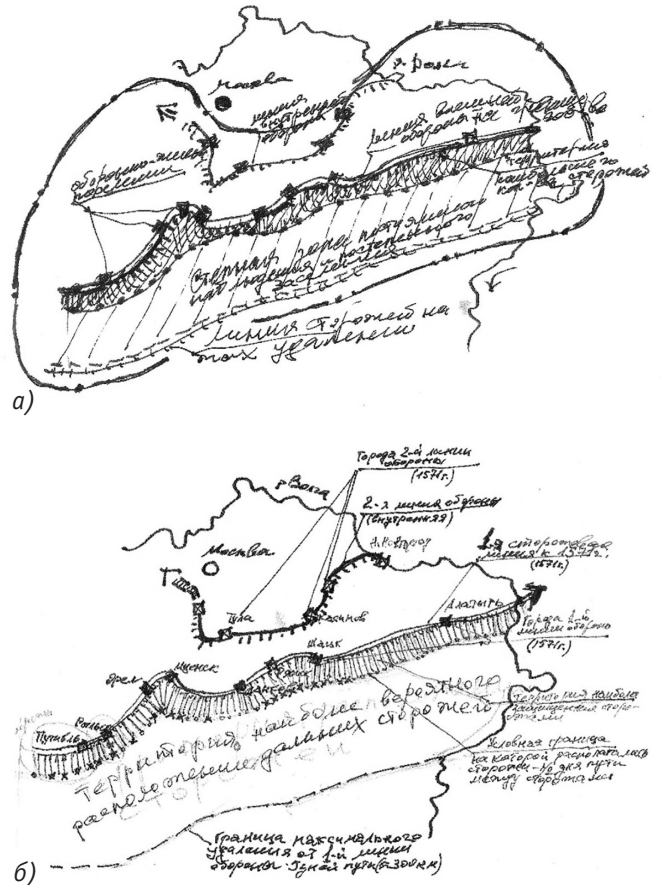

Рис. 5. Реконструкция системы расселения Э. Шевченко: а) фрагмент формирования оборонно-жилой системы; б) фрагмент формируемой линейной системы расселения с оборонно-жилой функцией

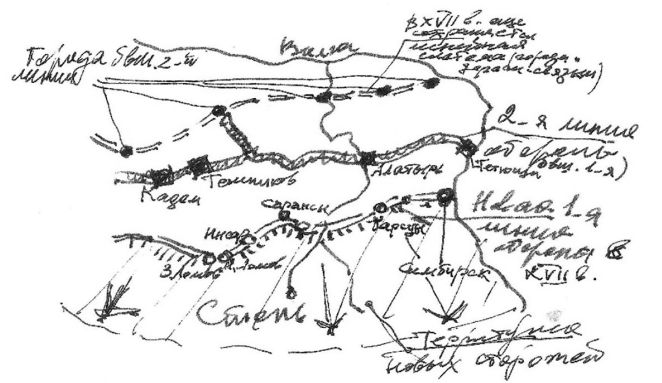

Рис. 6. Формирование новой первой линии обороны городов Симбирск – Саранск – Верхний Ломов (Реконструкция Э. Шевченко)

8. Бунин, А.В. История градостроительного искусства. Т.1. Рабовладельческий строй. Феодализм. Капитализм / А.В. Бунин. – М., 1953. – С. 348.

9. Гукова, Е.А. Оборона южных рубежей России в XVIII веке: Украинская линия и Украинский ландмилицкий корпус (1710–1780 гг.): автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук [Электронный ресурс] / Е.А. Гукова; Моск. гуманит. университет. – М., 2009. – Режим доступа: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003478251#?page=1> (дата обращения 12.04.2018)

10. Бондаренко, И.А. Древнерусское градостроительство: традиции и идеалы: учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности 290100 «Архитектура» / И.А. Бондаренко; РААСН. – М.: УРСС, 2002. – 187 с.

11. Грязнова, Н.В. Архитектурно-пространственное преобразование российской провинции в конце XVIII– начале XIX века: замысел и реализация (на примере Тамбовской губернии): автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата архитектуры [Электронный ресурс] / Н.В. Грязнова; МАРХИ – М., 2000. – Режим доступа: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01000274511#?page=1> (дата обращения 10.05.2018).

Literatura

1. Belyaev I.D. O storozhevoj stanichnoj i polevoj sluzhbe na pol'skoj ukraine Moskovskogo gosudarstva do tsarya Alekseya Mihajlovicha [Электронный ресурс] / I.D. Belyaeva // Chteniya O IDR». – 1846. № 4. – 86 s. – Rezhim dostupa: <http://mexalib.com/view/65028> (data obrashheniya)

2. Shevelev V.G. Retrospektivnyj analiz formirovaniya kommunikatsionnogo karkasa sistemy rasseleniya chernozemnoj zony Rossii / V.G. Shevelev; Materialy mezhdunarodnoj studencheskoj nauchnoj konferentsii // Aktual'nye problemy arhitektury i dizajna–2012. – 2012. – № 38 (Prilozhenie).

3. Laskovskij F. Materialy dlya istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii CH. 1 / F. Laskovskij. – SPb, 1858.

4. Bagalej D. Istoriya Severskoj zemli do poloviny XIV . . st.). Istoricheskaya monografiya, s kartoj i risunkami / D. Bagalej. – Kiev: v universitetskoj tipografii (I.I. Zavadzskago), 1882.

5. Yakovlev A.I. Zasechnaya cherta Moskovskogo gosudarstva v XVII veke / A.I. Yakovlev. – М., 1916.

6. Storozhev V.N. Zasechnye knigi kak istoriko-geograficheskij i arheologicheskij istochnik / V.N. Storozhev. – SPb, 1892.

7. Leont'ev A.E. Gorodishhe Es'ki na r. Mologe. Ukrepleniya v pojme / A.E. Leont'ev // Voprosy istorii fortifikatsii. – 2015. – № 5. – S. 114–118.

8. Bunin A.V. Istoriya gradostroitel'nogo iskusstva. T.1. Rabovladel'cheskij stroj. Feodalizm. Kapitalizm / A.V. Bunin. – М., 1953. – С. 348.

9. Gukova E.A. Oborona yuzhnyh rubezhey Rossii v XVIII veke: Ukrainskaya liniya i Ukrainskij landmilit'skij korpus (1710–1780 gg.): avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Электронный ресурс] / E.A. Gukova; Mosk.gumanit. universitet – М., 2009. – Rezhim dostupa: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003478251#?page=1> (data obrashheniya 12.04.2018)

10. Bondarenko I.A. Drevnerusskoe gradostroitel'stvo: traditsii i idealy: uchebnoe posobie dlya studentov, obuchayushhihsya po spetsial'nosti 290100 «Arhitektura» / I.A. Bondarenko; RAASN. – М.: URSS, 2002. – 187 s.

11. Gryaznova N.V. Arhitekturno-prostranstvennoe preobrazovanie rossijskoj provintsii v kontse XVIII – nachale XIX veka: zamysel i realizatsiya (na primere Tambovskoj gubernii): avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata arhitektury [Электронный ресурс] / N.V. Gryaznova; МАРХИ – М., 2000. – Rezhim dostupa: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01000274511#?page=1> (data obrashheniya 10.05.2018).

Шевченко Элеонора Арсеновна (Москва). Кандидат архитектуры, советник РААСН. Доцент кафедры градостроительства Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет» (129337, г. Москва, Ярославское шоссе, д. 26. НИУ МГСУ). Сфера научных интересов: градостроительство и градостроительная охрана наследия, системы расселения. Автор более 40 научных публикаций (в том числе 3 монографии. Тел.: моб.: +7 (962) 986-86-51. E-mail: shegal1948@mail.ru.

Shevchenko Eleonora Arsenovna (Moscow). Candidate of architecture, adviser of the RAACS. Associate professor of the Department of urban development at the federal state budget educational institution of higher education "National Research Moscow State University of Construction" (129337, Moscow, Yaroslavl'skoe highway, 26. NIU MSSU). Sphere of scientific interests: town-planning and town-planning protection of heritage, settlement system. The author of more than 40 scientific publications (including 3 monographs). Tel.: +7 (962) 986-86-51. E-mail: shegal1948@mail.ru.